

# МИФЫ, МОРАЛЬ И МЕГАТЕОРИИ КАК ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО СИНТЕЗА

## НА ПРИМЕРЕ АМЕРИКАНСКОГО ЮГА ДО ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

*Даррет. Б. Ратман*  
(Ун-т Флориды)

То, что мы наблюдаем, это не природа сама по себе, а лишь природа, какой она представляется нам в соответствии с избранным методом ее исследования

*Вернер Карл Гейзенберг*

Предположение о том, что историки должны опираться на постулаты квантовой механики, — а принцип неопределенности Гейзенберга один из фундаментальных в этой области — на первый взгляд вызовет немало удивления<sup>1</sup>. Однако когда речь заходит об историческом синтезе и его проблемах, изменчивость, неопределенность представляется вполне подходящим отправным моментом. В идеале синтез — это результат переплетения, сочетания абстрактных рассуждений и конкретных наблюдений с целью создания еще более широких и неопределенных гипотез. В то же время исторический синтез зачастую строится на таких понятиях, как миф, мораль, или же мегатеориях, претендующих на высокую степень достоверности. Поэтому изначальные представления о достоверности и неоспоримости чаще превалируют над теми конкретными наблюдениями, которые мы предлагаем вниманию читателей. Исторические уроки, или, иными словами, исторические обобщения, в меньшей степени опираются на синтез теоретических представлений и конкретных наблюдений. Они, напротив, строятся на подчинении исследовательских наблюдений изначальным суждениям авторов о том, что является справедливым, а что ложным, и куда движется (или должен продвигаться) мир. Таким образом, действительно необходимым становится не создание исторических теорий — этим историки занимались очень охотно и зачастую слишком поверхностно, — а внедрение в процессе выработки синтетических обобщений принципа неопределенности и изменчивости. Если взять в качестве примера историю Америки XIX в. и, в частности, американского Юга до Гражданской войны, то мы столкнемся с двумя взаимосвязанными мегатеориями, преобладающими в наши дни в историографии.

В соответствии с первой из них Америка в начале XIX в. переживала мучительный период “великого перехода”. В прошлом она оставляла докапиталистический мир гордых ремесленников и независимых фермеров-землевладельцев, небольших органично связанных поселений,

*Перевод М.А.Власовой.*

<sup>1</sup> Heisenberg W.K. Physics and Philosophy: The Revolution in Modern Science. N.Y., 1958. P. 58.

которые отличало равномерное распределение между их членами земли и другого богатства; социальное и экономическое сотрудничество; экономику, основанную на натуральном хозяйстве, а не на рыночных отношениях. В будущем страну ожидали капитализм, господство общенационального или даже интернационального рынка, отделение труда от орудий производства, наступление буржуазных ценностей, имущественное неравенство и аномалии городской и фабричной жизни.

Вторая мегатеория утверждает, что этот “переход” переживали лишь северные штаты. Развитие же Юга благодаря специфическому институту рабства, квалифицируется как некий анахронизм, хотя интегрированный в структуру мировых рыночных связей, но в то же время из-за сохранения псевдофеодальной системы труда южное хозяйство было ограждено от непосредственного воздействия такой интеграции. Как писал один из авторов, Юг был “прекрасным, хотя и глубоко расколотым, новым миром”, а не просто “копировал или воспроизводил докапиталистическое европейское общество, из которого он, как и Север, вырос”<sup>2</sup>. Действительно Юг не был однородным. Здесь сосуществовали и независимые йомены предгорных районов и крупные плантаторы хлопкового пояса и прибрежных долин. И все же регион оставался единым в своей уникальности, обусловленной рабством, общим политическим процессом и менталитетом плантаторов<sup>3</sup>.

Тот факт, что первая из теорий основана на заимствовании идей Карла Маркса, а также положений других еще более широких мегатеорий, вполне очевиден. Не менее очевидна и ее “мифологичность”: ведь в соответствии с этой американской версией концепций Маркса докапиталистическому миру йоменов приписаны черты некоего Эдема, населенного довольными жизнью, трудящимися бок о бок, участливыми друг ко другу мужчинами и женщинами, не знавшими таких пороков, как скупость и алчность. Перенесенная в нарративные исследования, такая теория создавала привлекательную картину в духе морализирующей драмы, которая с готовностью использовалась критиками современного американского общества. Капитализму в ней отводилась та же роль, что и Змею-искусителю в Раю. Стоит только обратить внимание на язык таких исследований, где “щупальцы” капитализма непременно “проникают” и “зондируют”, а “стойкие йомены” спасаются бегством, но их в конце концов “поглощают” и “завоевывают”<sup>4</sup>.

<sup>2</sup> Fox-Genovese E. *Within the Plantation Household: Black and White Women of the Old South*. Chapel Hill (N.C.), 1988. P. 55.

<sup>3</sup> Сама по себе приведенная цитата может показаться не очень репрезентативной. Подробнее см.: *Countryside in the Age of Capitalist Transformation* / Ed. by S. Hahn, J. Prude. Chapel Hill, 1985; *Kulikoff A. The Transformation to Capitalism in Rural America* // William and Mary Quarterly. 3d Ser. 46. 1989. Jan. P. 120—144; *Prude J. The Coming of Industrial Order: Town and Factory Life in Rural Massachusetts, 1810—1860*. N.Y., 1983; *Hahn S. The Roots of Southern Populism: Yeoman Farmers and the Transformation of the Georgia Upcountry, 1850—1890*. N.Y., 1983; *Klein R.N. Unification of a Slave State: The Rise of the Planter Class in the Carolina Backcountry, 1760—1808*. Chapel Hill (N.C.), 1990; *Clark C. The Roots of Rural Capitalism: Western Massachusetts, 1780—1860*. Ithaca (N.Y.), 1990.

<sup>4</sup> Fox-Genovese E. *Op. cit.* P. 54, 55; *Hahn S. Op. cit.* P. 4; *Prude J. Op. cit.* P. 261; *Kulikoff A. Op. cit.* P. 124, 142.

Второй мегатеории также присущи черты мифа и этические характеристики. Она в какой-то степени слишком полагается на образы типа Скарлет О'Хары и ее плантации Тары и не принимает во внимание жизненных тягот большинства фермеров-южан. Например, вот пущенное вскользь, почти банальное высказывание автора недавно вышедшей книги "Интерпретация истории Старого Юга": "На большинстве плантаций рабы трудились бригадами под непосредственным наблюдением надсмотрщиков, нанимаемых владельцем, или его представителей". "Бригады" представляли собой группы из 10—12 рабов. Даже если на хозяина работала одна такая "бригада", это означало, что он владел в общей сложности как минимум 20 рабами. Но в одном из пяти самых богатых графств центральной Джорджии (Хьюстоне) в 1850 г. три четверти землевладельцев имели менее 20 рабов. Таким образом, та интерпретация, которую представляет автор книги, относится лишь к части Старого Юга"<sup>5</sup>.

Более того, сам акцент на уникальности региона хотя бы частично, но связан с решением чисто моральных проблем. Американская историческая наука воспринимает рабство как величайшее зло, а раз так, то Юг, приютивший этот институт, должен быть отстранен от общего хода исторического развития страны. Только принимая во внимание такую постановку вопроса, можно как-то объяснить реакцию на книгу Фогеля и Энгермана "Время на кресте". Ведь не узость или квантитативный подход, а присущая ей аморальность вызвала резкие протесты: авторы подсчитали прибыльность рабовладения, не осудив его<sup>6</sup>.

И та и другая мегатеория сужают представления историков о довоенном Юге. Северу посвящены бесчисленные исследования, анализирующие развитие мануфактур и рынка, революционные изменения в транспортнои системе, финансах и законодательстве, возникновение фабричных поселений и городских конгломератов, появление классов, в том числе их интерпретации как новых детерминант социального развития. Устойчивый поток литературы о Юге приносит информацию о рабах, плантаторах, фермерах и уникальном мире, который они создали. Но эти две историографические волны ни разу не сливались. В итоге наши мегатеории породили две отдельные четко прочерченные линии исторических исследований, которые за исключением общих упоминаний о противоборствующих типах культуры, приведших к Гражданской войне, практически игнорируют друг друга.

Урбанизация, например, —это элемент "великого перехода" на Севере. А поскольку Юг был а priori уникален, ибо развивался собственным путем, не имеющим ничего общего с северными преобразованиями, то историки не считали возможным предполагать, что и там могли возникать такие же поселения и города. Все авторы работ по урбанизации Юга подчеркивают уникальность, исследуемых ими городов.

<sup>5</sup> Oakes J. Slavery and Freedom: An Interpretation of the Old South. N.Y., 1990. P. 11.

<sup>6</sup> Обратите внимание на ответ Фогеля критикам: он осуждает рабство как явление аморальное и объясняет, что вовсе не намеревался оправдывать рабство соображениями его экономической эффективности (Fogel R. Without Consent or Contract: The Rise and Fall of American Slavery. N.Y., 1990. P. 388—411).

“Конечно, на Старом Юге были небольшие города и города побольше”, — писал Дэвид Р.Гоулдфилд, — но ни в одном из них... житель Нью-Йорка, скорее всего, не нашел бы ничего для себя знакомого”. Даже крупнейшие города — Новый Орлеан, Чарльстон, Мемфис, Мобайл — по терминологии социолога Эдгара Томпсона были “плантационными городами” (местом развлечений, обмена товарами), служившими придатком к тем самообеспечивающимся аграрным поселениям, на которых основывалась экономика довоенного Юга. У.Дж.Кэш назвал наиболее значительные из них в лучшем случае “простыми торговыми постами”, и таковыми они и были”<sup>7</sup>.

Так исследователь с легкостью отмахивается от проблемы численности населения городов, тогда как только в Джорджии в 1850 г. в поселениях городского типа жило 20% населения Юга<sup>8</sup>. Авторы даже не пытаются решать непростую, запутанную задачу — определить истинную роль городов в жизни Юга, традиционно соотнося ее с аксиомами мегатеории: очевидно, считают они, плантаторам нужны были только “плантационные города”. При этом их ничуть не интригует вопрос о возможном сходстве процессов урбанизации на Севере и Юге. Ведь мегатеория уже предопределила, что сходства быть не может.

Я не ставлю перед собой цели подвергнуть специальной критике выводы Гоулдфилда или какого-либо другого историка<sup>9</sup>. Напротив, во

<sup>7</sup> Goldfield D.R. Cotton Field and Skyscraper: Southern City and Region, 1982. P. 32.

<sup>8</sup> Федеральные переписи в большинстве случаев не фиксировали данных по южным штатам на уровне административных единиц мельче, чем графства (городов разного типа); приведенные здесь подсчеты основаны на экстраполяции данных почтовых служб по методике, предложенной Р.У.Хелбоком (см.: Helbock R.W. Postal Records as an Aid to Urbanization Studies // Historical Method Newsletter: Quantative Analysis of Social, Economic and Political Development. 1970. Vol. 3. Mar. P. 9—14. (Полностью результаты анализа Д.Б.Ратман предполагает опубликовать в готовящейся к печати книге The Village South. — Примеч. переводчика.)

<sup>9</sup> Обобщения Голдфилда, сделанные им в уже упоминавшейся книге, расходятся с его более ранним призывом к “урбанистическому взгляду на историю Юга”, см.: Goldfield D.R. Urban Growth in the Age of Sectionalism: Virginia, 1847—1861. Baton Rouge (La.), 1977. P. 238. Первая из идей, однако, отражает общепринятый взгляд на жизнь южных городов, которые “были немногочисленны, малы и разобщены. Не существовало свидетельств о взаимосвязи между фермой, деревней и городом”. Gallman R.E., Anderson R.V. Slaves and Fixed Capital: Slave Labor and Southern Economic Development // Journal of American History. 1977. Vol. 64. June. S. 42. Эти высказывания перекликаются с эконометрической интерпретацией Дугласа Норта (см.: North D.C. The Economic Growth of the United States, 1780—1860. Englewood Cliffs (N.J.), 1961. Гэвин Райт отмечал: “На довоенном Юге было мало больших городов. Но еще более поражает немногочисленность мелких городских поселений” (Wright G. Old South, New South: Revolution in the Southern Economy Since the Civil War. N.Y., 1986. P. 24). Генри Л.Уатсон продолжает тему: городская жизнь на Юге ограничивалась функционированием “лишь банков, магазинов, транспортных контор и складов оптовиков, необходимых для сбыта основной сельскохозяйственной культуры региона” (Watson H.L. Jacksonian Politics and Community Conflict: The Emergence of the Second American Party System in Cumberland County, North Carolina, Baton Rouge (La.), 1981. P. 289. Авторы большинства работ оживление городской жизни относят к послевоенному периоду, когда, как писал Дэвид Л. Карлтон, “именно в городах начали проявляться современные формы социальной организации, заменявшие прежние экономические отношения, в которых долгое время доминировали изолированные друг от друга плантации и хозяйства белых фермеров” (Carlton D.L. Mill and Town in the South Carolina, 1880—1920. Baton Rouge (La.), 1982. P. 9. Важное исключение составляет другая

многих отношениях работа Гоулдфилда обогащает представления о довоенном Юге. Моя главная идея показать, что, воспринимая мегатеории как нечто несомненное, мы становимся их рабами. В своей работе Гоулдфилд “ухватился” за цитату из записок путешественника-северянина, воскликнувшего в раздражении: “Где же ваши города?” И в то же время Гоулдфилд упустил из виду следующее замечание — по поводу посещения г. Мейкон в Джорджии в 1829 г.: “Мейкон оказался таким же городом, как Ютика или Сиракузы на Севере, или любой другой из появившихся недавно в западной части штата Нью-Йорк городов”<sup>10</sup>. Первая цитата приведена Гоулдфилдом потому, что она соответствует мегатеории, но та же мегатеория заставила этого автора не заметить вторую цитату.

Когда Гоулдфилд задает теоретический вопрос, почему южные города продолжали долгое время оставаться по сути сельскохозяйственными, в то время как на Севере горожане уже успели позабыть о ценности деревьев и открытого пространства, ответ строится на понятии исключительности Юга: “Существование таких южных городов было связано с тем, что монокультурность сельского хозяйства предопределяла не только состояние полей, но и сердец и умов жителей всего региона”. Тут автор упускает из вида, что и северным городам был присущ “деревенский” компонент — те парки и кладбища, которые Дэвид Скилер назвал “первым физическим воплощением формировавшейся городской культуры”<sup>11</sup>. Фактически игнорируется столь важный довод, как сходство южных и северных городов. Сами южане это сходство вполне осознавали. Например, Джордж Уайт из Джорджии, описывая в 1849 г. кладбище Роуз Хилл в Мейконе, пользовался терминами, которые Скилер относил ко всей стране. При этом Уайт проводил прямые аналогии между развитием северных и южных городов: “Трудно найти другое место в стране, отличающееся таким разнообразием, где так полно воплотилась бы красота, свойственная сельской местности. Тот, кто посещал кладбища на Севере, в том числе широко известное Маунт Обен в Массачусетсе, не сравнит их с естественной красотой и прекрасным местоположением Роуз Хилла”<sup>12</sup>.

Мегатеории, воспринимаемые как нечто непреложное, не только

---

работа Джеймса Океса, в ней он опирается на свидетельства путешественника и делает историю города центральным событием в интерпретации сложного пути плантаторов в быстро менявшемся мире. (*Oakes J. The Ruling Race: A History of American Slaveholders. N.Y., 1983*).

<sup>10</sup> *Goldfield D.R. Cotton Fields and Skyscraper. P. 32; Hall B. Travels in North America (1829) // The Rambler in Georgia / Ed. by M.Lane. Savannah. 1973. P. 79.*

<sup>11</sup> *Goldfield D.R. Cotton Fields and Skyscraper. P. 29, 33; Schuyler D. The Urban Landscape: The Redefinition of City Form in Nineteenth — Century America. Baltimore, 1986. P. 37; Bender Th. Toward and Urban Vision: Ideas and Institutions in Nineteenth Century America. Lexington (Kt.), 1975. P. 80—93; Fries S.D. The Urban Idea in Colonial America. Philadelphia, 1977. Ch. 3, 5; Machor J.L. Pastoral Cities: Urban Ideals and the Symbolic Landscape of America. Madison (Wiss.), 1987, passim.*

<sup>12</sup> *Wite G. Statistics of the State of Georgia. Together with a Particular Description of Each County. Savannah (SG.), 1849. P. 109.*

предопределяют направление исследовательской работы, зачастую ослепляя историков, но и приводят к очевидным заблуждениям. Это ясно видно на примере работ по истории антимасонского движения.

Древнее масонское братство было перенесено на американскую почву в XVIII в. Американизированное в период революции, а затем адаптированное к республиканским реалиям в последующие годы, это тайное общество, несмотря на спорадические выпады противников, к середине 1820-х годов заметно усилилось: примерно каждый двадцатый или двадцать пятый взрослый белый мужчина был его членом<sup>13</sup>. В сентябре 1826 г. некий Уильям Морган, в прошлом масон, угрожавший разоблачить тайные ритуалы ордена, исчез из своего дома, и как предполагалось, он был убит бывшими братьями. Этот случай спровоцировал настоящий пароксизм гнева, на волне которого в конечном итоге возникла партия антимасонов. В 1832 г. она выдвинула Уильяма Уирта кандидатом на президентский пост, и в течение целого десятилетия угрожала покончить с масонским обществом.

Американская историография постоянно обращается к теме масонов и антимасонов. Что лежало за возвышением ордена и что поставило его на грань уничтожения? Что нового об американском обществе позволяют узнать эти события? В настоящее время существует историографический консенсус, укладывающий всю динамичную и драматичную полемику в русло “великого перехода к капитализму”. В своей новой работе Пол Гудмен утверждает, что проблему взаимоотношений масонов и антимасонов необходимо рассматривать на фоне болезненного процесса приспособления к “новому миру, основанному на нравственных нормах, порожденных социальной мобильностью; на фоне роста объема потребления, нестабильных рыночных отношений и современной классовой структуры”. В этом контексте масонство “оказывало терапевтическое воздействие на зарождавшуюся буржуазию”. “Состоявшие главным образом из представителей буржуазии и специалистов — адвокатов, учителей и т.п. — масонские ложи были слепком с формировавшейся структуры социальных отношений, основанных на системе классов”.

В свою очередь, антимасоны “чувствовали, что (докапиталистическая) идея органичного общества под угрозой... что новая классовая система, распределяющая людей по дифференцированной схеме в соответствии с их богатством, родом занятий и образованием... раскалывает сообщества и создает такие социальные различия, которых не знала Америка в период своей ранней истории”. Для антимасонов, не нашедших себя в переходных процессах, тайное братство стало “главным символом”, на который можно было излить накопившееся раздражение.

<sup>13</sup> Lipson D.A. *Freemasonry in Federalist Connecticut*. Princeton (N.J.), 1977. P. 13—79; Bullock S.C. *A Pure and Sublime System: The Appeal of Post-Revolutionary Freemasonry // Journal of the Early Republic*. Fall, 1989. Vol. 9. P. 359—373; *Idem*. *The Revolutionary Transformation of American Freemasonry, 1752—1792 // William and Mary Quarterly*. 3d Ser. 47. 1990. July. P. 347—369. Об истории возвышения ордена см.: *History of the Ancient and Honorable Fraternity of Free and Accepted Masons, and Concordant Orders / Ed. by H.L. Stillson*. Boston, 1906. P. 877—892.

Гудмен идет дальше и напрямую связывает степень влияния масонов (и, разумеется, размах движения их противников) со степенью вовлеченности в рыночные отношения. Так, хотя “масонские ложи распространялись по стране по мере появления среднего класса и становления рыночной экономики”, рост числа их членов был более медленным, например в штате Нью Гемпшир, где влияние деловых кругов и специалистов... было относительно невелико”.

Все это хорошо. Но что же происходило на Юге? Вновь мегатеория, пронизывающая исторические выводы, порождает недоумения и уводит от логики. Ни Гудмен, ни другой крупнейший специалист в этой области не находит и следа антимасонов на Юге. И чем же они это объясняют? Гудмен утверждает, что антимасонское движение не было развито на Юге, так как этот регион стоял в стороне от “великого перехода”. “Неспособность антимасонов распространить свое влияние в южных штатах... высвечивает отличия путей, которыми шли южане и северяне. На Юге рыночная система не получила широкого распространения... Это делало Юг менее подверженным смятению, порождавшемуся социальной напряженностью в других частях страны”. Как добросовестный историк, Гудмен, однако, не смог проигнорировать очевидного факта: масонство издавна существовало на Юге, накануне Гражданской войны, например в Джорджии, число членов братства в расчете на 1000 человек белого населения было больше, чем в любом другом штате Союза. Такое обстоятельство привело автора к заключению, что южное масонство “процветало” благодаря отсутствию противодействия со стороны “сильного антимасонского движения”<sup>14</sup>.

Как же такое могло случиться? Почему отстраненность Юга от процессов перехода к капитализму лишила антимасонов — защитников докапиталистического социального порядка, — надежд на успех и

<sup>14</sup> Goodman P. Toward a Christian Republic: Antimasonry and the Great Transition in New England, 1826—1836. N.Y., 1988. P. 41—42, 52—53, 110, 235. Другие авторы относят и масонов и антимасонов к буржуазии. Р.П.Формисано, например, полагает, что “избиратели-антимасоны... не слишком отличались от масонов или любых других групп”. — И в другом месте: «Лидеры антимасонской партии штата чаще всего на себе испытывали последствия продвижения по социальной лестнице, они были ищущими индивидами, одержимыми духом “улучшения” жизни и в сравнении с массами в большей степени тяготели к нетрадиционным видам предпринимательства. Значительная их часть испытывала на себе позитивное влияние перемен и всей душой стремилась, чтобы сограждане также могли воспользоваться таким опытом». Следовательно, полемика масонов и их оппонентов, не укладывалась в русло размежевания типа “традиционализм против модернизации” или “докапиталистические ценности против капиталистических”. Раскол в сущности произошел на культурной и религиозной почве. Он противопоставил друг другу наследников пуритан, которые имели одинаковый социально-экономический статус, но чьи ценности разительно отличались (см.: Formisano R.P. The Transformation of Political Culture: Massachusetts Parties, 1790—1840-s. N.Y., 1983. P. 197, 199). В последних публикациях появление масонства и подобных ему организаций связывалось с изучением специфики поведения мужчин и женщин, хотя контекст “великого перехода” в них по-прежнему присутствует. “Возвышение промышленного капитализма делало более сложной жизнь как мужчин, так и женщин”, замечают Дж.Дж.Брамберт и Ф.И.Дадден (Brumbert J.J., Dudden F.E. Masculinity and Mumbo Jumbo: Nineteenth-Century Fraternalism Revisted // Reviews in American History. 1990. Vol. 18. Sept. P. 370; Vaughn W.P. The Antimasonry Party in the United States, 1826—1843. Lexington, 1983. P. 170).

одновременно стимулировала деятельность масонского братства — символа и порождения того же самого “великого перехода”?

И вновь мне не хотелось бы сводить все к критике труда Гудмена. Гораздо важнее показать, что и здесь проявляется способность мегатеории ослеплять историков и вводить их в заблуждение. Можно найти новые подтверждения этой мысли, обратившись буквально к любому историческому сюжету. В работе 1978 г. по вопросам евангелизма на Севере Поль Э.Джонсон характеризует евангелизм как “способ решения представителями среднего класса проблем, связанных с новой социальной структурой, законностью и порядком, которые породила начальная стадия развития мануфактур”<sup>15</sup>. Но если применить схему Джонсона к южному евангелизму, а в его существовании сомнений нет, то либо придется отвергнуть теорию об уникальности Юга, либо саму схему!

Возвращаясь к книге Гудмена, необходимо отметить, что замечание о Юге было в сущности сделано им вскользь. Ведь его исследование масонского и антимасонского движений в соответствии с мегатеорией сведено к изучению процессов, происходивших на Севере. Автор не потрудился рассмотреть южный контекст проблемы. Да и зачем это делать историку, который верен аксиоме уникальности Юга и его изолированности от “великого перехода” к капитализму? Если бы автор все же обратил внимание на южные события, то неизбежно столкнулся бы с аномальными с точки зрения мегатеории фактами, а это в свою очередь породило бы вполне здравые сомнения.

Так было и со мной, когда я случайно натолкнулся на коллекцию протоколов заседаний масонов, в которых регистрировалось членство и деятельность лож в Джорджии в 1830—1850 гг. Заинтересовавшись этим источником, я проследил состав членов лож и стал сравнивать результаты с итогами исследований северного масонства, воспринимаемого как воплощение системы ценностей среднего класса. Сходство обнаружилось сразу. 65% членов одной из лож в Джорджии, находившейся на территории графства, преобладающую часть населения которого составляли “докапиталистические” фермеры-йомены, были лавочники, ремесленники, торговцы, юристы и врачи. Во взятой для сравнения сходной северной ложе 59% масонов относились к тем же категориям населения<sup>16</sup>.

Мой интерес обострился, и я попытался отыскать свидетельства об антимасонском движении. Это оказалось совсем не трудно: я обнаружил, что резкое падение численности братства и сокращение количества лож пришлись как раз на тот период, когда на Севере пылали антимасонские

<sup>15</sup> Johnson P.E. *A Shopkeeper's Millennium: Society and Revivalism in Rochester, New York, 1815—1837*. N.Y., 1978. P. 138.

<sup>16</sup> Jones M.G., Reynolds L. *Coweta County Chronicles for One Hundred Years*. Atlanta (Ga.), 1928. В этой работе на основе записей секретаря ложи Бернс графства Ньюмен приводятся данные о ее составе на 1829 г., которые позволяют узнать род занятий членов ложи. Эти данные сравнивались со статистикой, относящейся к графству Дженесса в Нью-Йорке (см.: Kutolowski K.S. *Freemasonry and Community in the Early Republic: The Case for Antimasonic Anxieties* // *American Quarterly*. Winter, 1982. Vol. 34. P. 543—561.



страсти<sup>17</sup>. Кроме того, когда на собраниях братьев произносились речи в защиту ордена, пресса Джорджии призывала распустить их организации в интересах поддержания “мира и гармонии”. Баптисты предгорных районов штата обсуждали вопрос о санкциях против единоверцев, одновременно состоявших в масонском братстве. Приговор был таков: масонство или церковь! Ошеломленный столь явными доказательствами существования противостояния масонов и их противников — представителей интересов среднего класса и докапиталистических слоев — там, где это не предусмотрено мегатеорией, я пришел к единственному выводу, что историки не достигли того уровня понимания, при котором сущность масонства, его связь с “великим переходом”, сам переход к капитализму и уникальность Юга были бы ясны.

Здесь мы возвращаемся к исходному пункту — принципу неопределенности Гейзенберга. В области физики элементарных частиц он реализуется очень просто: при условии ограниченности наших познаний мы можем в каждый данный момент фиксировать либо движение частицы, либо ее местоположение, но не то и другое одновременно. Дело исследователя, а не частицы, что предпочесть. Более широкое эпистемологическое приложение принципа также достаточно просто: “чтобы понять что-либо, мы должны отказаться от какого-то другого представления об объекте исследования”<sup>18</sup>. Историкам необходимо проникнуться этой тривиальной мыслью. Занимаясь синтезом исторических теорий, мы должны помнить об их “искусственности”. Мы создаем их, опираясь на некое понимание, достигнутое ценой отказа от другого понимания. Если исследователь будет думать об этом постоянно, ему удастся подняться над создаваемыми им же теориями, по-новому взглянуть на события и данные о них и, возможно, найти иную интерпретацию исторических процессов<sup>19</sup>.

<sup>17</sup> О сокращении численности лож и их распадах см.: *Rosier W.H., Peason F.L., jr. The Grand Lodge of Georgia Free and Accepted Masons, 1786—1980. Macon (Ga.), 1983. P. 42—71.* (Обращение Самюэля Рокуэлла к членам Великой ложи в 1831 г. см. на с. 62); *Southern Recorder. 1831. June 16; Pioneer History of Forthys County, Georgia / Ed. by D.L.Shadburn, I.Roswell, Ga.: W.H.Wolfe Associates, 1981. P. 138* (в этой работе цитируется протокол собрания Баптистского союза от 10 мая 1844 г.). В уже упомянутой книге Д.Липсон удачно проводится различие между “политическим” и “социальным” антимасонством, при этом первое реализовалось в деятельности антимасонской партии, второе — в своего рода особом настроении, которое царило в штате Джорджия (*Lipson D.A. Op. cit. P. 313*). Закономерно, что П.Гудмену и У.П.Вону не удалось отыскать следов организованной политической деятельности в этом штате.

<sup>18</sup> *Zukav Gary. The Dancing Wu Li Master: An Overview of the New Physics. New York: William Morrow, 1979. P. 310.*

<sup>19</sup> Есть альтернатива — дожидаться момента, когда накопится масса эмпирических данных, не укладывающихся в рамки прежней интерпретации, что рано или поздно опрокинет господствующую парадигму, или, по моей терминологии, мегатеорию (см.: *Kuhn Th.S. The Structure of Scientific Revolution. Chicago. University of Chicago Press, 1962*). Включение понятия неопределенности в построение парадигм приведет к более динамичному расширению нашего знания.